

ЮРИЙ ТРИФОНОВ

ИНТЕРВЬЮ О КОНТАКТАХ

В беседе с корреспондентом «Иностранной литературы» Е. СТОЯНОВСКОЙ писатель рассказывает о недавней поездке в США

В амплу лектора

Существует в США Канзасский университет, вернее, университет в городе Лоренсе штата Канзас — в 60 милях примерно от Канзас-Сити, самого крупного города штата. Отделение славистики там возглавляет сейчас профессор Джеральд Майклсон, по его инициативе уже третий, нет, четвертый, наверно, год университет регулярно приглашает советских писателей читать лекции о советской литературе: побывал там с этой целью Евгений Винокуров — читал лекции о советской поэзии; потом — украинский поэт Виталий Коротич — его очерки в «Знамени» напечатаны в прошлом году, целая большая книжка; теперь вот из прозаиков меня пригласили на три недели; планы эти у них на длительный срок — кажется, собираются дважды в год посылать приглашения нашим писателям...

Таким образом, в течение трех недель я должен был прочесть шесть лекций — по две в неделю — о современной советской прозе...

Признаюсь, поначалу путешествие пугало меня — «неизведанностью», что ли, континента этого для меня, тем, может быть, что ехал я один, — в каком-то смысле это было интересно, конечно, хотя язык я знаю слабовато, могу объясниться, что называется, «в бытовой сфере»: куда пойти, где остановиться, что заказать — почти все могу сказать сам, но понимаю речь с трудом, иногда приходилось даже просить американцев писать отдельные фразы... Правда, через месяц, когда я остался еще на три недели — уже в качестве гостя госдепартамент, — мне дали переводчика, аспиранта Канзасского университета...

Сложным оказалось начало еще и потому, что в сущности две поездки объединились в моем маршруте: сначала предстояло пять-шесть напряженных дней провести в Копенгагене — по приглашению издательства «Фремад», оттуда я должен был прямо лететь до Нью-Йорка и сразу же дальше — до штата Канзас... Но в итоге все сложилось довольно благополучно...

В Копенгагене меня встретил представитель издательства — некий Эрик Лангкьер, — я познакомился с ним год назад на Франкфуртской книжной ярмарке, мы ездили туда вместе с Валентином Распутиным... Узнав, что я лечу в США, он рассказал, что двадцать пять лет — всю свою молодость — прожил в Америке, работал там тоже в издательской системе, а лет десять назад возвратился в Данию. «А почему я вернулся, — говорит, — вы там сами увидите...» Не стал ничего больше объяснять, расшифровывать, просто сказал: «Почему я уехал, вы сами увидите»...

Пробежаться по «рабочему маршруту»? Ну, сначала об амплу, так сказать, педагогическом... Хотя я и не профессор и не литературовед, все же какой-то опыт общения со студентами имею, несколько лет веду семинары в Литературном институте, слежу за тем, что печатается, многих интересных писателей хорошо знаю лично — знаю, с чего они начинали, какие-то есть в памяти впечатления об их студенческих годах, со многими учился в Литинституте. Собственно, весь этот материал был у меня в голове, готовился я непосредственно перед днем выступления — каждая лекция была рассчитана на полчаса. Аудитория — примерно тридцать-сорок человек —

студенты, аспиранты, преподаватели, приходили и просто люди, интересовавшиеся русской, советской литературой, те, кто понимал по-русски. Правда, одно большое выступление, организованное университетским начальством, состоялось с переводом на английский в большом студенческом клубе «Для всех желающих...», собралось тогда много — двести или триста человек, это была общая беседа о современной советской прозе...

Шесть лекций на отделении славистики я разделил по темам: первая — о литературе 60-х годов, практически это был разговор о литературе после XX съезда; затем — «писатели-деревенщики»; третья — «городское направление»; четвертая — писатели «военной темы». Потом — революционная и историческая проблематика: авторы серии «Пламенные революционеры» и больших исторических романов... Ну, и рассказывал, как сам писал «Нетерпение», какие сложности возникают у писателей исторической темы, какие подчас подстерегают ловушки... И, наконец, последняя лекция, это был разговор о собственных вещах — студенты читали их по-русски, готовясь к моему приезду, — «Обмен», «Долгое прощание», «Другую жизнь», «Дом на набережной»... Все это вызвало споры, столкновение мнений, в общем по характеру оказалось довольно похоже на наши встречи с читателями...

Должен сказать, что лекции, судя по всему, привлекали студентов, ведь там нет обязательного посещения, часто бывает, на какие-то лекции они просто не ходят, но вот «русисти» собирались исправно, даже еще прибавлялась какая-то публика, очевидно, предмет интересовал их...

Кстати, как раз к этому времени в издательстве «Ардис» вышла на английском языке под заголовком «Долгое прощание» трилогия («Обмен», «Предварительные итоги» и «Долгое прощание»). Экземпляры продавались во всех университетах, куда я приезжал (между прочим, их покупали, несмотря на довольно высокие цены — издание в твердой обложке стоило, к примеру, 12 долларов, в мягкой — 5...).

Потом последовало приглашение в Калифорнийский университет, точнее, в пять университетов Калифорнии. Начал с университета Ирвайн — южнее Лос-Анджелеса, самолетом этого почти в трех часах лета от Канзас-Сити... Две недели я пробыл в Калифорнии, выступил в университетах этого штата: самом крупном — в Лос-Анджелесе, в университетах Санта-Крус, Дэвис и, наконец, Беркли, под Сан-Франциско — в каждом провел по одной-две встречи-беседы. Как они строились? Познакомлю: в одном случае — как обсуждение английского издания «Долгое прощания», в другом — читал, как, например, в университете Дэвис, отрывки из своей книги воспоминаний, заметок о труде писателя — для видеозаписи, такое же чтение состоялось и в Беркли, где собрались крупные слависты этого университета...

В Сан-Франциско приехал сопровождавший меня в дальнейшем переводчик Лен Стэнтон, и мы получили следующее приглашение — в университеты Миннеаполиса, Оберлин-колледж штата Огайо, в Мичиган, где я помимо университета хотел еще посетить издателя, выпустившего мою книгу.

Интересная встреча состоялась в Миннеаполисе, это очень крупный город на севере, на границе с Канадой, после юга — Калифорнии с 20 градусами тепла — мы попали в снег, метель, мороз — 10 градусов мороза — громадная страна Америка!.. Три дня провел в Энн-Арбор — большом университетском городе в штате Мичиган, после этого — в Оберлин-колледж в штате Огайо, где есть тоже группы славистов, в так называемом «Русском доме» там живут студенты, изучающие русский язык...

К этому времени я уже настолько устал, что ехать в университет Виргинии отказался и прямо из Огайо полетел в Нью-Йорк и потом в Вашингтон: в университете Джорджа Вашингтона состоялась содержательная встреча, там тоже собрались люди, которым была интересна беседа о советской литературе, показывали свои работы, статьи...

В Нью-Йорке пробыл семь дней, в университете там так и не попал, но встречался с профессорами этого университета, в том числе с Верой Данхем, которая принимала участие в нашей московской встрече!...

Знают ли наших писателей...

Каков нынешний уровень представлений американцев о современной советской литературе? Ну, что касается среды специалистов-славистов, то интерес к изучению русской литературы есть, и в общем-то он устойчив, постоянен: выходит масса диссертаций — особенно много о Чехове, о Достоевском, конечно, и так далее... К советской же литературе интерес пока невелик, очень невелик... Главным объектом внимания — книги, получившие одиозную, скандальную политическую известность, авторов, оказавшихся за пределами СССР, или тех, кто печатаются на Западе. А теми, кого называют «официальными» советскими писателями, до сих пор занимают мало, практически их почти не издают... Не раз доводилось мне спрашивать тамошних славистов: «Ну, вот вы изучаете во многих университетах русскую литературу, современную литературу, существуют ли у вас, например, диссертации о Твардовском?» — «Нет». Зато о каком-нибудь десятистепенном поэтическом персонаже вроде Елены Гуро — всего две маленькие книжечки она выпустила когда-то в 10-е годы, — одной из «малых символисток», так сказать, о ней, оказывается, есть работы. Называешь одно за другим имена крупных советских писателей — о них нет диссертаций в Америке, а о Константине Вагине, скажем, одном из полузабытых авторов 20-х годов, среднем,

¹ См. об этой встрече статью И. Зоринной в «Иностранной литературе» (1978, № 2) (прим. ред.).

в общем, литераторе, забавном стилисте, но фигуре отнюдь не значительной, вот о нем — пожалуй, о нем — да, его даже в переводе издадут на английский, переиздания выйдут...

Или вот, скажем, мой переводчик Лен Стэнтон, аспирант-славист Канзасского университета — знаете, как называется его научная тема? «Образ монаха в русской литературе XIX века». И вот он советуется со мной, бедняга: «Юрий Валентинович, где материалы отыскать для этой работы, как вы думаете?» «Ну, там, у Мельникова-Печерского возьмите, Лескова «Соборяне», — что-то в этом роде называю ему... Он сам даже толком не знает, как подступаться-то к работе, но намечена, так сказать, «проходимая тема»... И в общем, конечно, это характерно для Америки, да и не только для Америки — для славистов на Западе... Лоренс — до сих пор, прямо скажем, редкий случай, редкий случай, когда американский университет проявляет довольно серьезную заинтересованность в советской литературе, — вообще-то пока нет такого интереса к нашей литературе... А предубеждения? Предубеждений немало, кстати сказать, они тоже достаточно типичны. И связаны — повторяю, об это споряешься сразу же — не столько с литературой, сколько с политикой — той самой, которая «идеям Хельсинки» отнюдь не способствует, наоборот, противостоит...

Сталкивался ли я с такими предубеждениями лично? Да, и не раз — отвечая на вопросы после своих лекций и бесед, в частности, и в связи с моими собственными книгами, особенно не в Канзасе, а в Калифорнии... Справедливости ради замечу, что было их не слишком много, чувствовалось, что в большинстве случаев просто не хотелось людям, что называется, неприятные вопросы мне задавать, разного рода провокационные вопросы... Так, например, о «правах человека» меня ни разу не спросили ни в Канзасе, ни в Калифорнии, об «эмиграции евреев» тоже не задавали вопросов... Раза два о Солженицыне спрашивали, ну и о диссидентах так называемых... Я отвечал обычно, что русских писателей, оказавшихся вне России, могу только пожалеть, как писатели они, я считаю, погибнут... ведь это, можно сказать, все равно, что аккумулятор у невключаемого мотора — нет никакой подзарядки; когда писатель оказывается вне своего народа, вне языка и вне среды, практически вне читателя, все его запасы, запасы его «тока», что называется, быстро иссякают, а «подзарядки»-то нету... Ведь, как это ни грустно, даже очень крупные писатели старой эмиграции практически хирели, не смогли по-настоящему работать... Ну вот, Бунин... Не могу сказать, что он стал хуже писать на Западе, нет, с этим не согласен, у него вышел там ряд прекрасных рассказов, но ведь за тридцать три года, которые он прожил там, до обидного мало написал... А иные просто не смогли ничего написать...

По поводу моих сочинений? В день при-

езда в «Нью-Йорк таймс» появилась статья — упор там был сделан на «Доме на набережной», с заглавием весьма характерным: «Не диссидент, но критик обществу»... Ну и как следствие, естественно, в дальнейшем приходилось сталкиваться с соответствующими вопросами во время лекций и встреч: «За что вас критикуют в советской печати?», «Почему вас там ругают?» — и так далее в таком же духе...

Как отвечал я на такого рода вопросы: говорил, что наша литература вовсе не занимается «славословием», что в нашем обществе есть и недостатки, с которыми мы боремся, что литература призвана об этом писать, более всего о недостатках в душах людей, так сказать, в нравственной сфере — это главная материя искусства, — поэтому я считаю существенной свою основную писательскую тему... Правда, не все критики так ее толкуют, приходится иной раз выдерживать баталии с теми критиками, кто воспринимает ее с раздражением, и к этим баталиям я отношусь вполне спокойно: вначале нервничал, каждый раз стремился непременно «отбрыкаться», а сейчас полагаю, что писатель должен делать свое дело, что помимо толковой, конструктивной, к которой стоит прислушаться, бывает и такая критика, на которую не стоит расходовать душевные силы, — примерно в этом духе я отвечал на такого рода вопросы...

Более подробно о том, чем заняты сегодня отделения славистики американских университетов, намечаются ли новые веяния в их исследованиях и деятельности?

Прежде всего что такое Лоренс... Об университетских американских городках-кампусах уже много говорено и писано, поэтому подробно я не буду рассказывать... Конечно, когда впервые попадаешь в такой городок, многое там удивляет — вся эта масса студентов — «государство в государстве»... Лоренс — маленький городок, основан он около ста лет назад, здесь учится 27 тысяч студентов — потом я побывал в университетах, где обучается по 40 и 45 тысяч, в Миннеаполисе, например, или в Мичигане, в гигантских университетских центрах... Но не принадлежу к самым большим университетам Америки, все же в число, быть может, сорока крупнейших учебных заведений страны он входит...

Ну и вот, в этом огромном университете есть небольшая группка людей, профессионально занимающихся русской литературой и языком, объединены они «славянской кафедрой», там как-то вместе — кафедра славянской и германской филологии... Особенно звонких имен славистов, которые были бы знамениты на всю Америку, здесь нет, но все же несколько известных ученых работают — специалисты по Достоевскому, Лескову, Чехову...

Джерри Майклсон — совсем молодой человек; собственно говоря, он всего несколько лет назад избран руководите-

ЮРИИ ТРИФОНОВ
ИНТЕРВЬЮ О КОНТАКТАХ

лем русской кафедры и вообще только начинается деятельность литературоведа, прежний руководитель кафедры — Джозеф Конрад — специализируется на творчестве Чехова, много писал о нем... Есть еще и несколько молодых людей, аспирантов, некоторые из них сейчас начинают обращаться к изучению советской литературы — так, например, один из аспирантов — бывший военный, офицер, двенадцать лет в американской морской пехоте прослужил, а потом армия, как он говорит, ему надоела, увлекся русской литературой; сейчас аспирант пишет диссертацию о советских писателях «военной темы».

Что в первую очередь привлекло его в советской литературе? Я его спрашивал об этом, говорит: человечность советских военных писателей; он бывал у нас в стране — туристом, руководителем группы студентов, изучающих русский язык, собирается и в этом году приехать... Джерри Майклсон пишет сейчас, между прочим, работу о поэзии Винокурова... После всех моих лекций он мне рассказал о своей идее подготовить новый курс «Москва и Ленинград-Петербург в произведениях русской литературы» — не только классику включить в этот курс: Гоголя, Достоевского, Пушкина, но и советских авторов 30-х годов и нынешних взять... Такой замысел возник, а сейчас он, кажется, уже осуществлен... В общем, программа преподавания советской литературы в маленьком Лоренсе вроде бы расширяется...

Реалии славистского обихода: есть у них в помещении огромной студенческой столовой — целый этаж она занимает четырех- или пятиэтажного здания, там и под землей этажи какие-то: продуктовые магазины, универсам для студентов, залы всякие, клуб, кино, — так вот, в столовой есть так называемый «Рашн тейбл» — «русский стол», — во время ленча, обеда, ужина здесь собираются только те, кто говорит по-русски, есть и «украинский стол» — направления мысли в среде этих студентов, к сожалению, далеко не все нам близко, но это уже вопрос отдельный, хотя и весьма существенный...

Элен Вайл из Калифорнии — чрезвычайно деятельна, энергична, как и Майклсон. Она тоже проявляет желание расширять программу «русской темы». Университет Ирвайн молодой, он существует около десяти лет всего. И кафедра славистики молодая. На ее базе Элен Вайл — директор факультета — «русскую школу» организовала, каждое лето тут проводятся занятия с теми, кто желает изучать русский язык, около месяца ведутся эти занятия... Сейчас и тут планируют изучать советскую литературу, включают новые имена писателей в обязательный курс... А вообще, повторяю, в калифорнийских университетах интерес к нашей литературе пока весьма незначителен; знают буквально единичные имена — Айтматова, Симонова, Аксенова — он ведь в этих университетах сам бывал, кстати, мне показывали людей, о которых он написал в

своей книге, познакомили, так сказать, с героями его очерка...

Из путевых впечатлений

Как складывался в моем представлении образ Америки... Ну, ближе всего я познакомился со штатом Канзас... Это так называемый Мидл Уэст — Средний Запад, самая «сердцевина» Америки, края прерий, пшеницы — кстати, там и русская пшеница есть, которую завезли в прошлом веке еще немецкие переселенцы-менониты из России, она там очень хорошо прижилась, мне все об этом рассказывали... В общем, глубокая провинция. Когда я оказался потом в Калифорнии — в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско — и когда там узнавали, что, приехав в Америку, я три недели прожил неподалеку от Канзас-Сити, надо мной потешались: «Как вы это выдержали, ведь это все равно что, впервые попав в Советский Союз, сразу на три недели засесть в Чебоксарах, допустим, не повидав ни Москвы, ни Ленинграда, ни Киева...» Потому, видимо, и реакция моих слушателей была здесь спокойней, и не было в этой «глубинке» политически «воспаленных» реплик, что студенческая аудитория здесь более проста; отчасти это связано и с материальной стороной дела — небогатый университет в Лоренсе не требует большой платы за обучение. Лен Стэнтон и его жена Джинни в одном из восточных штатов платили за обучение четыре или пять тысяч долларов: в некоторых университетах до семи тысяч доходил такса, а в Лоренсе — две тысячи семьсот, кажется, поэтому Стэнтоны и перебрались сюда...

Так что три первых недели я прожил в Америке жизнью, можно сказать, «обыкновенного американского профессора»: ездил по субботам, по воскресеньям в Канзас-Сити — большой город, в эти дни, правда, производивший на меня удручающее впечатление, вымерший он был совершенно, огромные здания и пустые улицы... Вообще вот эта ноябрьская дорога из Лоренса в Канзас-Сити, да и сам Канзас-Сити удручали еще и потому, что американцы двигаются только на автомобилях, совсем не видно пешеходов на улицах — все это довольно мрачно; первое впечатление от города — какого-то общего городского «неуют» — оттого, пожалуй, что американцы почти все время проводят в автомобилях... Они все делают в автомобилях — едят, пьют, любят — все, что хотите, даже деньги получают, не выходя из автомобиля: однажды такую сценку мне довелось наблюдать вместе с моими знакомыми в Лоренсе — банк, к какому-то желобку в наружной стене здания подъезжает машина, откручивается стекло, какой-то купончик складывается в желобок, из окна в ответ машет девица: «Привет, привет! Хай, хай!» — и опускает в целлофановом пакете деньги, которые сидящий за рулем получает, буквально не вылезая из автомобиля... Наблюдение из жизни маленького города вроде Лоренса: американцы либо ездят в машинах, либо бегают трусцой, пе-

шеходов нет... Унификация, стандартизация жизни, зрелищ, развлечений — ее отчетливо чувствуешь во многом...

Общий уровень жизни? В Западной Германии, где я был несколько раз, считают, что у них этот уровень выше, чем в Америке. Американцы с этим, кажется, не согласны... Точнее было бы, видимо, сказать, что в ФРГ этот уровень ровнее. В Америке представители среднего класса действительно более обеспечены, чем «средние немцы» из ФРГ или «средние французы»... Этот «мидл-класс» в Америке — большая, очень большая прослойка... Но там есть и очень большая бедность — негритянские, пуэрториканские кварталы, люди без работы, люди, которых безработица толкает на преступления; настоящими резервуарами преступности служат кварталы-гетто пуэрториканцев, мексиканцев, негров... Так что контрасты, разрыв между слоями населения в Америке очень заметен, резок...

Не раз за время своего пребывания там я возвращался к мысли о том, что это страна очень большого беспокойства, иногда мучительного беспокойства... Во-первых, это беспокойство какой-то гонки, жизни, которая представляет собой нескончаемую погоню, иногда за призраками... А потом, то, о чем они пишут, — я с этим сам столкнулся, в общем-то, со страхом людей... Этот страх действительно существует, иногда не очень-то обнаруживая себя, но он есть, особенно в больших городах — в Вашингтоне, Нью-Йорке, преступность очень распространена, ее все больше. Все время об этом читаешь, все время где-то слышишь об этом, вечерами не рекомендуют выходить на улицу... Мне кажется, что в этом смысле Америка находится в состоянии тяжелого и долгого кризиса — не могут они эту проблему решить, слишком глубоки, видимо, ее социальные, исторические корни... И запретить продажу оружия нельзя, многие возражают: вы лишите нас возможности защищаться. Говорят: это право американца, дарованное ему американской конституцией... Получается заколдованный круг...

Кое-что о досуге и спорте

Американский характер? Бросается в глаза непосредственность, даже, можно сказать, детскость, инфантильность «среднего американца»... Вспоминаю в этой связи, например, характерные передачи по телевидению... Отгадывают какие-то неизвестные предметы или части предметов... На сцене сидят несколько человек, часто среди них — популярные эстрадные артисты... Показывают нечто непонятное — какой-то винтик, шпунтик или, допустим, какую-то ложечку с шариком на конце ручки, — нужно угадать, что это такое. Один из артистов говорит что-нибудь вроде: «Я думаю, это ложка для разливания жидких специй на кухне — горчицы или особого соуса...» Дама — его соседка — возражает: «Нет, это — приспособление для растирания кремов, применяется во французской парфю-

мерии»... Еще одна дама — негритянка — не согласна: «Все, что было сказано до сих пор, — чепуха, это особая ритуальная ложка, употребляется одним из африканских племен в Кении во время такого-то обряда»... Бородатый старик возмущается: «Да нет, это совсем не для того, это — особое приспособление для размешивания типографской краски или клея...» Иногда кто-то один угадывает в конце концов, бывает, никто не угадывает, но все режутся при этом почти как малые дети...

Ну и, конечно, типично американские игры и представления, по телевидению их особенно часто показывают — всякие «отгадки за деньги», выигрыши большие, иногда до сотен долларов... К примеру, отгадывают, сколько стоят новые товары, американцы очень любят в это играть — сколько что стоит... Сидят за столом какие-то люди, иногда и артисты, приносят им, предположим, новый телевизор или магнитофон... И следует угадать, сколько он стоит, — кто ближе всех к истинной сумме окажется, тот получает большую премию. Невероятные страсти разыгрываются, ну, а платит, разумеется, фирма...

Вообще все эти азартные игры «на деньги» американцы очень любят — всякого рода шарады по телевизору, игры в слова. Самые разные участники испытывают свою удачу — домохозяйки, студенты, служащие, солдаты, команда на команду на глазах у зрителей играют в слова. И в то же время не только слова, но и деньги тут главное... Выигравший — порой, повторяю, это может быть сто, двести, триста долларов, случается, даже тысяча долларов, — так вот, выигравший дико радуется, на глазах у телезрителей он прыгает, скачет, обнимает всех, целует — сумму выигрыша огромными цифрами показывают на экране, — ну, и с людьми творится что-то невероятное, вы видите, как они... у них слезы на глазах... все это очень непосредственно, искренне и в то же время сугубо по-американски, понимаете?

В каком-то смысле об американцах можно сказать, что это люди игры... Недаром, кстати, целый город Лас-Вегас вырос в пустыне Невады — в других штатах играть в азартные игры было запрещено, предприимчивые люди и построили город в песках, буквально в пустыне в штате Невада, куда со всей Америки стали стекаться любители азартной игры, и очень скоро — он был построен в 20-х годах — этот город превратился в своего рода «столицу» мира азарта, мира порока, всякие темные дельцы сюда съезжаются, проститутки, сутенеры, маклеры, торговцы наркотиками; с этим городом я познакомился, когда был в Калифорнии — видел игорные дома, громадные казино со всякого рода автоматами, рулеткой, видел людей опустившихся, пропащих, утративших власть над собой, женщин с безумным блеском в глазах, каждый из клубов, можно сказать, кишмя

ЮРИИ ТРИФОНОВ
ИНТЕРВЬЮ О КОНТАКТАХ

кишит людьми, погибшими для осмысленной жизни...

Помню один павильончик с надписью: «Мы отгадываем... Мы можем угадать, кто вы, ваш возраст, вес, национальность, профессию... А если не угадаем,— следует далее разъяснение,— ваше право — выбрать для себя любой предмет с нашей витрины...» Друзья предложили мне «попытать счастье», я заплотил положенных два доллара и предъявил свою руку молоденькой девушке. «отгадчик». Разглядывала она мою ладонь долго, потом произнесла: «Вы учитель...» Отвечаю: нет, не учитель. Опять долго в меня взглядывалась, снова рассматривала руку, наконец, призналась: «Нет, ничего не могу сказать, ничего не могу угадать». Ни возраста не назвала, ни веса, ни национальности... Потом задала еще один вопрос: «Какого цвета ваш автомобиль?» Ответ «У меня нет автомобиля» буквально сокрушило ее, тут уж совсем ничего нельзя было понять: «нет автомобиля!» «Возьмите, пожалуйста, что вам понравится на нашей витрине...» Хотел взять какую-то игрушку, которая ближе лежала, но спутник-американец деловито посоветовал: «Нет, нет, эта будет меньше двух долларов стоить, поищите другую — подороже»...

Ну и чтобы уж покончить с этими «зарисовками», расскажу еще два-три «спортивных эпизода» — спортом, как вы знаете, я интересуюсь особо, — потом от основной темы мы отвлекаться не будем...

Прежде всего, познакомился я в Канзасе с американским футболом... Внимательно смотрел спортивные передачи по телевидению — в частности «рестлинг», американскую борьбу, — оказалась, кстати, это не то, что я думал... Ездил в Канзас-Сити на родео... Но, во-первых, о футболе... У нас несомненно преувеличено представление о том, что это нечто чрезвычайно «брутальное», грубое, жестокое. Не совсем так, ничего особенно зверского в этой игре нет, просто она основана на силе, на беге, на прямых стычках, прямых столкновениях спортсменов... Там меньше комбинаций, чем в европейском футболе, как зрелище это мне нравится гораздо меньше, но это еще связано с тем, что я далек от обычного для спортсменов, для любителей спорта полного знания предмета, турнирной борьбы — я этого всего не знаю, меня просто интересовал спорт «в чистом виде»: что такое американский футбол?.. Так вот, во-первых, это зрелище, а потом уж игра... Это праздник в городе! На одно из главных состязаний сезона — встречу команд университетов Лоренса и Канзас-Сити — мне довелось попасть... По общему счету американских студенческих лиг обе команды довольно слабы, но когда они играют друг с другом, это обычно встречи зверские по напряжению, по накалу, по страсти... Так что в воскресный день, о котором я хочу рассказать, весь маленький городок был охвачен «футбольной лихорадкой», чуть ли не все 40 тысяч жителей перекочевали на стадион... Публика была празднично разодетая, болельщики одной

команды в красных и белых тонах — цвета флага клуба этой команды: какие-то, уже не очень молодые, дамы — в красных пиджаках и белых брюках, мужчины — в красных галстуках и белых шляпах... Из Канзас-Сити прибыло огромное количество автомашин и автобусов — в основном все на автомобилях, — болельщики команды университета в Канзас-Сити обязательно имели на себе что-нибудь светло-фиолетовое, в тон цвета флага второго клуба. Каждая команда привозит свой оркестр и свою команду девочек, которые парадно вышагивают в своих мини-юбочках и танцуют, отмечая каждый забитый гол своей командой, — все очень ярко и нарядно. Но сама игра, повторяю, основана целиком на каких-то бросках, прорывах, образующих очередную «кучу малу», — вроде как в регби, то и дело игроки со страшной силой сталкиваются, потом кто-то вырывается из этой «кучи», выскакивает, чтобы попытаться «приземлить» свой мяч на территории противника: очень все это похоже на нашу лапту или на регби, только гораздо более жестко, мощно. Очень много негров играет, вообще, пожалуй, негры — лучшие игроки в американском футболе. Видел я там, конечно, и большой бокс, и профессиональный баскетбол... Очень высокого класса баскетбол.

Стоит еще рассказать о родео — состязании фермеров и ковбоев. Происходят эти состязания в южных штатах — в частности, в Канзас-Сити происходит так называемое «королевское родео», когда съезжаются спортсмены и ковбои со всей Америки, тоже большой праздник...

Это было тоже, конечно, воскресенье — 13 ноября... Мы с моими друзьями из университета отправились в Канзас-Сити — за 60 миль, значит, — специально, чтобы посмотреть родео... Устраивают его на большом крытом стадионе, вместимость, наверно, 50—60 тысяч зрителей... Сначала прошли вниз, в особых больших помещениях там размещают животных, ковбои и дети там обихаживают их, готовят к выступлениям. Девочки расчесывали их, поглаживали. Там же, внизу, происходило соревнование свиноводов: гоняли свиней хвостом в загончике какие-то мальчики и девочки — дети фермеров. А специалист — знаток свиней, ковбойского вида мужчин — внимательно наблюдал за прогонкой свиней по кругу и ставил какие-то отметки в блокноте: определял лучшего кабана или свинью... Там же готовили к выступлению страшного вида огромных быков, запах такой — навоза, сена... И масса деревенских лиц — загорелых, обветренных, — и дети такие же обветренные...

Потом мы поднялись наверх, заняли свои места на трибунах. Наверно, часа два с половиной длится родео, с перерывом, с музыкальными паузами... В общем, это интересное состязание наездников-ковбоев. Сначала девочки соревновались, каждый штат представляла одна его победительница... Они должны были проскакать на лошади полстадиона, развернуться вокруг столба в центре и скакать обратно. Засака-

лось время. Девочки все такого ковбойского вида — очень стройненькие, тоненькие. А стадион в этот день был заполнен молодыми фермерами со всей Америки — в это время в Канзас-Сити происходил их съезд... В программу входили и обычные номера — ковбой выскакивали на необъезженных лошадях, очень злобных, горячих; кто дольше на такой лошади продержится — интересное соревнование, причем участвовали в нем не только ковбои, но и студенты, видимо, привычные к такого рода спорту, тоже откуда-нибудь из южных штатов... Потом то же самое на быках — бык хочет сбросить, прыгает, вскидывается, а ковбой подсакивает на нем, как на батуте...

И еще такое состязание: из загончика выпускали быка, и он сломя голову мчался, почему-то в противоположном направлении. Из соседнего загончика выпускали ковбоя на лошади. И вот мчится бык, рядом с ним на лошади скачет ковбой, примерно в центре стадиона ковбой спрыгивает с лошади, прыгает на шею быку, хватая его за рога и сваливает на бок, в этом задача ковбоя — свалить быка на землю; бык почти всегда оказывался поверженным, хоть сопротивлялся отчаянно. Ковбой вставал, бык тоже вставал, отряхивался и уходил с поля... Один бык на моих глазах проявил недюжинные интеллектуальные способности, пожалуй, он мне больше всего понравился... В общем, прыгали на быка все, только один ковбой промахнулся, и почти всем удавалось повалить быков на землю, после чего, понутив голову, быки отправлялись в противоположный загон. Ну вот, выскочил, как положено, бык, одновременно с ним выпустили ковбоя на лошади, и вдруг, пробежав пять шагов, мой «интеллектуальный» бык внезапно остановился как вкопанный. А ковбой по инерции проскочил дальше, короче говоря, вся игра сломалась... Бык постоял минуту-другую и преспокойно, с достоинством побрел в противоположный загон — перехитрил, обманул ковбоя, это было поразительно... Публика страшно радовалась, приветствовала его находчивость — это был единственный бык, на чью долю не досталось пережить унижение... Это было интересно, истинно американское зрелище, и вообще — все вокруг этого стадиона...

А выйдя со стадиона, наткнулись на павильончик с надписью: «За 50 центов вы можете посмотреть на самую большую лошадь в мире — лошадь-гигант». В самом деле, какая-то гигантская кобыла стоит, повернувшись к вам огромным задом, и косясь довольно злобно. Лошадь-гигант из Канады... Повторяю, мне показалось, что у американцев, у простого народа, много непосредственности, какого-то неизжитого детства, особенно в тех местах, где я был, это сердце Америки — Мидл Уэст, — там много фермеров, рабочих... Канзас-Сити — город мясников, скотоводов, над городом как символ его скотобоев и родео стоит гигантская башня, и на ней — огромный черный бык, он возвышается над городом,

как его герб, как надежда, мечта, как American dream¹.

Что касается спортивных передач по радио и телевидению — их очень много, и они, конечно, разнообразны, но все-таки это тоже типично американский спорт. Понимаете, Америка живет своим спортом — то, что интересует Европу, американцев часто не волнует. Ну вот, рестлинг, например, американская борьба, где можно как угодно хватать противника, бить головой об пол — эти передачи еженедельно показывают, я смотрел их. Абсолютно ясно, что это не настоящий спорт, а инсценировка, театр с участием отличных спортсменов, представление для детей... Все спортсмены размалеваны: один — какой-то знаменитый турок, другой — «казак Иван» с бородой лопатой, третий — свирепый викинг, все это напоминает нашу спортивную борьбу дореволюционного времени и, конечно, далеко от спорта. Какие-то огромные люди — туши с чудовищными животами, огромными бицепсами, рычат друг на друга... Это — шоу, понимаете, публика смотрит это как дурацкую пьесу, как балет, дети в восторге... К спорту не имеет отношения, совершенно не интересно...

■

«Итоговые» впечатления об Америке? Я не собирался изучать эту страну во всех ее ипостасях, во всех сферах: даже с писателями не смог встретиться, цель моя была иной... А впечатления «итоговые», как вы говорите — в двух словах не обобщишь. Страна слишком велика, слишком пестра, динамична, многообразна... Короче говоря, хоть я и пробыл здесь два месяца, писать об этом не стану. Слишком много впечатлений, слишком много и написано уже об Америке. Для того чтобы что-то незамеченное заметить и написать по-своему, нужно слишком... слишком много на это нужно истратить сил и работы, что не входит сейчас в мои замыслы. А писать просто какой-то очерк путевой — не интересно...

Ну вот: почему же Эрик Лангкьер возвратился из Америки в Копенгаген? Что ему надоело в Штатах? Что напугало? Что наскучило?.. Кое о чем я, наверное, смог догадаться...

Возвращаясь к основной теме

О перспективах издания советской литературы в США: на мой взгляд, намечаются некоторые сдвиги в этом направлении, со скрипом, но все же дело стонет с мертвой точки... В ближайшее время сборник Шукшина выходит в издательстве «Ардис», книгу Искандера они напечатали...

¹ Американская мечта (англ.).

ЮРИИ ТРИФОНОВ
ИНТЕРВЬЮ О КОНТАКТАХ

«Харпер энд Роу» заключили договора на издание «Белого Бима» Троепольского и «Путешествия дилетантов» Окуджавы...

Между прочим, на американской земле я встретился с делегацией советских писателей — Федор Абрамов, Елизар Мальцев и Георгий Злобин входили в ее состав. Очень это была приятная для меня встреча — с Мальцевым мы в Сан-Франциско столкнулись, а с Федором Абрамовым оказались в одной гостинице в Нью-Йорке... Славистам Абрамов известен, несколько лет назад перевели его очерк «Вокруг да около», правда, последние вещи не переведены, но, думаю, две повести — «Пелагея» и «Алька» — вскоре могут появиться в антологии современной советской прозы, задуманной Джерри Майклсоном. Состав антологии сейчас уже подготовлен — туда должна войти еще небольшая повесть Распутина «Деньги для Марии» (две его книги издает «Макмиллан»)...

И еще рассказы Шукшина включаются, рассказы или повести Битова, Богомолова, Гендрякова и так далее. Майклсон специально прилетел в Нью-Йорк из Канзаса, мы получили рекомендацию в крупное издательство «Фарер, Страус и Жиро», где встретили реальный интерес к идее издания такой антологии, дело теперь за переводом. Книги отсюда ВААП уже отправил после моего возвращения в Москву. Всю большую работу по переводу почти двадцати пяти листов прозы берет на себя кафедра славистики университета в Лоренсе...

О контактах с издательством «Саймон энд Шустер» сегодня уместно рассказать отдельно... Именно в день, когда мы встречаемся с вами, чтобы завершить «беседу о контактах», газеты сообщили о выходе в свет в этом издательстве — «одном из наиболее крупных и известных в США», как пишет «Правда», — книги «Леонид Брежнев. Страницы из жизни», с предисловием Л. И. Брежнева «К американским читателям».

В интервью корреспонденту ТАСС, которое цитирует «Правда», это событие комментирует Майкл Корда, главный редактор издательства.

Ну, сначала о том, что я знал о Майкле Корде: когда я был в Нью-Йорке, он пригласил меня для переговоров по поводу издания «Другой жизни». Помимо своей должности там он еще и писатель, публицист, автор книг, одна из которых — называется она «Власть», — посвященная искусству управления, фигурировала на Московской книжной ярмарке прошлогодней... В самолете по пути в Нью-Йорк я случайно познакомился с отрывком из другой его книги; что-то на тему о том, как добиться успеха — он был напечатан в популярном тонком журнале — не помню уж, как он назывался, помню только, что речь шла об условиях, необходимых для процветания в деловой сфере, — советы, как строить от-

ношения на службе, с начальством, с коллегами, как планировать режим работы и отдыха, как одеваться, даже какому типу портфеля отдавать предпочтение в том или ином случае — короче говоря, все то же извечное американское РАСШИФРОВАТЬ ТАЙНЫЙ КОД УСПЕХА; впрочем, вероятно, и пушкинского Германа уместно вспомнить в этой связи...

Израдно покружившись в бесшумном лабиринте усталых толстыми пушистыми коврами коридоров — кажется, это был 15-й этаж небоскреба в Манхэттене, — авеню Америк, — я со своими двумя спутниками очутился в кабинете Майкла Корды. Что обнаружил там раньше всего?.. Боксерские перчатки, фотографии лошадей на стенах и очень яркий плакат: огромными буквами начертаны два слова — в русском произношении они звучат «Оу, вау!» — «Oh, wow!» — пресловутое восклицание-девиз хиппи, некий «стон блаженства», исторгаемый, можно сказать, самим чревом, что-то вроде «О, восторг!»...

Хозяином кабинета оказался молодой сухощавый рыжеватый человек, деловой американец, немного читающий по-русски, потомок выходцев из Венгрии, племянник знаменитого кинорежиссера Александра Корды, знакомого советским зрителям по фильму «Леди Гамильтон», — один из шести нью-йоркцев, владеющих собственными... скакунами: встает в шесть утра, чтобы два часа — до восьми — ежедневно уделить верховой езде в Централ-парке... Да, чуть не забыл еще об одной, едва ли не самой специфической принадлежности кабинета: увидев некий непонятный прибор на столе и поинтересовавшись, не магнитофон ли это для записи происходящего в сих стенах, я услышал в ответ: «Наоборот!» — устройством, как объяснил хозяин, предназначено для стирания записи, буде кто-либо из присутствующих вздумал бы тайно ее произвести: конкурентные нравы — ничего не попишешь...

Корда рассказал тогда о готовящемся к выпуску издании — книге о Л. И. Брежнев, — осуществляемом в соответствии с договором с АПН, показывал макет этой книги — она стояла у него на полочке рядом со столом, поделился своим желанием приехать в Москву, чтобы вручить книгу Л. И. Брежневу, когда она выйдет в свет...

Говорил он и о заинтересованности в издании книг советских писателей: «Когда-то надо начинать всерьез...» — это были его слова. Давно, лет пятнадцать, если не больше, тому назад, «Саймон энд Шустер» издали «Жестокость» Нилина, потом последовала длинная «пауза», и вот теперь — продолжение...

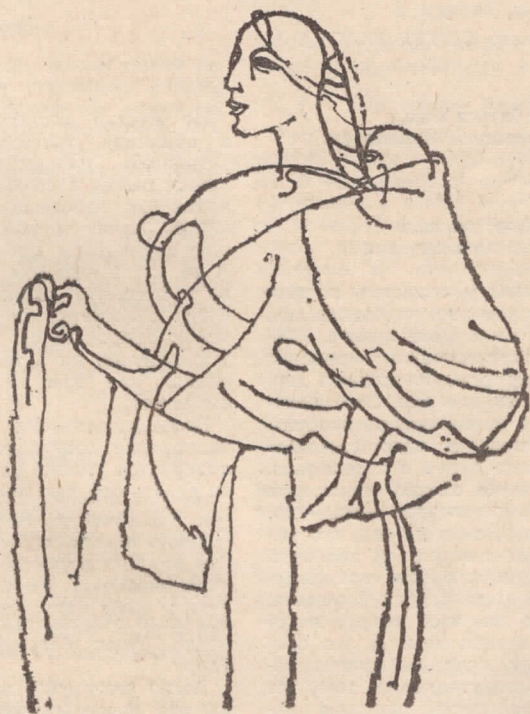
Что касается переговоров со мною, то, хоть я и признался честно, переступив порог, что «не прохожу» ни по одному из параметров делового преуспевания, разработанных Майклом Кордой, — даже портфель оказался не тот, который необходим, — итогом встречи явилась договоренность о контракте на издание «Другой жизни» и «Дома на набережной». Весьма

существенной была оговорка: об исключении возможности появления в книге — в сопроводительном ли комментарии или статье, на суперобложке ли — текста, который своим содержанием мог бы вызвать возражение автора.

В общем, если обратиться к выводам, впечатление такое: хотя до сих пор советская литература не заняла еще в умах американских читателей подобающего ей места, все же границы этого пространства раздвигаются, некое движение воды намечилось. И самое главное, американцы начинают, кажется, постигать простую истину: настоящая русская литература творится советскими писателями, живущими и «официально» печатающимися в своей стране. Буквально так эта мысль сформулирована, между прочим, на суперобложке английского издания «Долгого прощания», только что вышедшего в США.

С чем я эти намечающиеся перемены связываю? С тем, что мы привыкли обозна-

чать понятием «дух Хельсинки», если уж на то пошло, с интересом к контактам, к общению, в том числе и к приездам советских писателей. Это ведь не пустые слова-то, что такие контакты в самом деле завоевывают сердца... после периода известной «замороженности», после перерыва, я думаю, в этой сфере намечается некое «оттаивание», медленное, но обещающее движение вперед. И суть в том, что это соответствует реальной потребности времени, положению в мире, и американцы и мы понимаем, что мы должны интересоваться друг другом, должны дружить... Недавний приезд сюда к нам Джона Чивера — очень хорошего американского писателя, крупного писателя — он тоже был показателен в этом смысле: у Чивера как у читателя на каком-то новом уровне возник интерес к нашей литературе, встреча с ним на нашей земле была очень полезна, как, видимо, должна оказаться полезной и готовящаяся новая советско-американская встреча, которая продолжит дело, начатое прошлым летом у нас здесь, в Москве...

ТАДЕУШ КУЛИСЕВИЧ. Мать.
Из серии «Люди Менсина»